

Ширяева Ирина Николаевна

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НОНСЕНС И СМЕЖНЫЕ ПОНЯТИЯ

В данной статье рассматривается литературный нонсенс и смежные с ним понятия: абсурд, бессмыслица и гротеск, которые, оперируя сходными приемами, преследуют различные цели. В отечественном литературоведении нет четкого разграничения этих явлений, что зачастую приводит к путанице и не позволяет говорить о единой теоретической базе в отношении литературного нонсенса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 3. С. 59-62. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

Список литературы

1. Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 5. Мастер и Маргарита. Письма. 734 с.
2. Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Худож. лит., 1992. Т. 1. Записки юного врача. Белая гвардия. Рассказы. Записки на манжетах. 623 с.
3. Виницкий И. Духовный карцер. Н. С. Лесков и «Патала № 6» А. П. Чехова // Вопросы литературы. 2006. № 4. С. 310-322.
4. Гаспаров Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава. 1988. № 10. С. 98-106.
5. Гаспаров Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава. 1988. № 11. С. 88-96.
6. Гаспаров Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава. 1988. № 12. С. 105-113.
7. Гаспаров Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава. 1988. № 13. С. 79-90.
8. Казаркин А. П. Типы авторства в романе «Мастер и Маргарита» // Творчество Булгакова: сборник статей. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 11-27.
9. Кораблев А. А. Бездомный, бездомные и бездомность в «Мастере и Маргарите» // Коды русской классики: «Дом», «домашнее» как смысл, ценность и код: в 2-х ч. Самара, 2010. Ч. 2. С. 55-60.
10. Кораблев А. А. Дом и бездомность в русской литературе (Пушкин – Гоголь – Булгаков) [Электронный ресурс]. URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1399/> (дата обращения: 20.05.2016).
11. Лерман И. В. Образ дома в творчестве Булгакова // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2010. № 1. С. 290-293.
12. Лесскис Г., Атарова К. Путеводитель по роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». М.: Радуга, 2007. 520 с.
13. Логман Ю. М. Семиосфера. СПб: Искусство, 2000. 704 с.
14. Поздняева Т. Воланд и Маргарита. СПб.: Амфора, 2007. 446 с.
15. Пояркова Н. С. Дом и мир в прозе М. А. Булгакова: дисс. ... к. филол. н. М., 2005. 210 с.
16. Сапченко Л. А. Сумасшедший дом в произведениях русской литературы: от Карамзина – к Чехову // Вопросы литературы. 2002. № 11/12. С. 342-356.
17. Соколов Б. В. Михаил Булгаков (100 лет со дня рождения). М.: Знание, 1991. 64 с.
18. Соколов Б. В. Михаил Булгаков: загадки творчества. М.: Вагриус, 2008. 688 с.
19. Соколов Б. В. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Очерки творческой истории. М.: Наука, 1991. 176 с.
20. Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова. М.: Языки славянской культуры, 2001. 242 с.

**MADHOUSE IMAGE IN THE NOVEL BY M. A. BULGAKOV “THE MASTER AND MARGARITA”:
ON MADNESS MOTIVE REALIZATION**

Shabaldina Evgeniya Vladimirovna
Irkutsk National Research Technical University
Evgeniya-vlad@yandex.ru

The article is devoted to interpreting the madhouse image in the novel by M. A. Bulgakov “The Master and Margarita”. The study focuses on the mad world in which the characters live, and this clinic is a kind of spiritual prison where the path of spiritual renewal is available. The author justifies the thesis that the characters’ madness is often provoked by fear initiated not only by the satanic forces but also by the humans themselves. Finally the author concludes that Bulgakov’s character’s madness is an accusation of the system, not somebody’s personal diagnosis.

Key words and phrases: madness; madhouse; social madness; refuge; clinic; fear; motive of creation; salvation; armoured cell.

УДК 8; 82.0

В данной статье рассматривается литературный нонсенс и смежные с ним понятия: абсурд, бессмыслица и гротеск, которые, оперируя сходными приемами, преследуют различные цели. В отечественном литературоведении нет четкого разграничения этих явлений, что зачастую приводит к путанице и не позволяет говорить о единой теоретической базе в отношении литературного нонсенса.

Ключевые слова и фразы: литературный нонсенс; абсурд; гротеск; бессмыслица; смысл; форма; структура; экзистенциализм.

Ширяева Ирина Николаевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
axtmell@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НОНСЕНС И СМЕЖНЫЕ ПОНЯТИЯ

Литературный нонсенс является одним из самых сложных явлений в филологии, что связано с трудностью постичь его сущность, разложить на составляющие с целью подробнее рассмотреть этот загадочный

механизм, разграничить феномен нонсенса и несколько других понятий, которые, как может показаться, являются его синонимами. Именно последний пункт мы подробнее рассмотрим в статье.

Уже на первых этапах знакомства с литературным нонсенсом становится понятно, что у отечественных исследователей нет единого подхода к номинации данного явления, это связано с существенными пробелами в построении единой теоретической базы, на основе которой можно было бы рассматривать литературный нонсенс в контексте русской литературы. Так, в работах возможно встретить следующие названия, выступающие в качестве синонима нонсенса: «абсурд» [9], «классический абсурд» [5], «лингвистический абсурд» [6], «бессмыслица» [3]. Кроме того, встречаются и вполне оправданные попытки понять сходство и различие между нонсенсом и гротеском [4].

Из вышеперечисленного видно, что наиболее острым является вопрос о знаке равенства между нонсенсом и абсурдом. Стоит отметить, что в английской филологии многие исследователи настаивают на различии нонсенса и абсурда, например, Майкл Холквист, который утверждает следующее: «Цель абсурда – показать несоответствие между чисто человеческими и чисто логическими ценностями <...> Абсурдным является контраст между системами человеческих убеждений, которые могут быть лишены всякой логики, и крайностями логики, высвобожденной человеческим беспорядком. Таким образом, абсурдом является в основном игра с порядком и беспорядком. Нонсенс – игра только с порядком» [Цит. по: 16, р. 129] (*перевод здесь и далее автора статьи – И. Ш.*).

В данном исследовании мы будем употреблять термин «литературный нонсенс», но в то же время не имеем ничего против использования в качестве синонимии нонсенса устоявшегося понятия «английский классический абсурд» (под этим, конечно, подразумеваются произведения Э. Лира и Л. Кэрролла), все же остальные обозначения кажутся нам весьма спорными. Если нонсенс обладает достаточно широким и конкретным набором художественных особенностей, что позволяет его считать вполне опознаваемым и сформированным литературным метажанром (нонсенс может воплощаться в разных жанрах: лимерик, роман, поэма, драма), то с абсурдом в этом плане несколько сложнее, поскольку абсурд, как верно подчёркивают некоторые исследователи [11, с. 15], понятие абстрактное и больше выступает в качестве философской категории, что даёт повод рассматривать литературу абсурда именно через призму философских идей, в частности, экзистенциализма. Абсурд имеет более крепкие связи с действительностью, нежели нонсенс, хотя и то, и другое понятие без этой действительности существовать не смогли бы. В данном случае было бы уместно привести цитату автора комментариев к романам Л. Кэрролла Питера Хита: «Разница между нонсенсом и абсурдом состоит в том, что первый бросает вызов общепринятым правилам логики, языка, нормам поведения и причинно-следственным связям; второй же чрезмерно увлекается ими. Вместо того чтобы легкомысленно пренебрегать правилами, как делает писатель нонсенса, абсурдист упрямо следует им даже тогда, когда это теряет всякий смысл, и не обращает внимания на возникающие в результате нелепости» [Цит. по: 13]. Мы бы в свою очередь предложили условно трактовать литературу абсурда как *систему в системе*, в то время как литературный нонсенс – это *система (на)против системы*. Иначе говоря, в случае с абсурдом сознание под влиянием катастрофических внешних изменений усиленно пытается найти объяснения происходящему, понять его причины и найти выходы из сложившейся ситуации, но терпит неудачи и одновременно с этим обнаруживает пустоту и бессмысленность происходящего, при этом человек всё время прочно связан с реальностью самим его *осознанием*, осознанием безразличия мира к человеку: «Чувство и сознание абсурда рождаются из столкновения между стремлением человека к счастью и пониманию, с одной стороны, и “молчанием мира” – с другой стороны» [1]; человек постоянно находится в действительности и так или иначе с ней взаимодействует – в этом и заключается вся драма – от действительности никуда не деться, и выхода может быть два – либо смерть, либо дальнейшая борьба. Литературный нонсенс же, беря за основу систему общепризнанных постулатов различного характера, создает свою собственную манипулятивную систему, в которой даже смерть – не более чем преходящее явление, что-то вроде забавного случая из жизни, о котором можно позабыть через пару минут. Нонсенс не возводит столкновение порядка и хаоса в статус подрывания основ мироздания, напротив, он обнаруживает в этом бесконечную смыслопорождающую игру.

Литературный нонсенс довольно часто обозначают как «лингвистический абсурд», смещая тем самым точку со смысловой «трагедийной» (или в более широком понимании – философской) составляющей литературы абсурда на его воплощения в языке. Нам в данном случае кажется неправильным разводить и обособлять понятия, составляющие единое явление, а также нужно учитывать, что те цели, которые преследует литература абсурда, экспериментируя со словом, не совпадают с целями, которые в этом случае преследует литературный нонсенс. Для литературы абсурда операции с языковыми средствами – это прежде всего *инструмент* для обнаружения более глубинных, духовных и моральных смыслов. Языковой код как средство построения коммуникации – это то, на чём держится не только человеческое сознание, но само общество. Для нас важен тот факт, что для достижения успешного взаимопонимания люди при общении руководствуются определёнными правилами (хочется вспомнить высказывание профессора А. А. Волкова: «Язык – система членораздельных словесных высказываний, связанная культурной преемственностью и организованная определенной совокупностью правил построения» [2, с. 68], т.е. язык – это крайне рациональное явление, стройное, логичное). Только при использовании правильного построения фраз и предложений может состояться полноценный диалог. Абсурдисты это прекрасно понимают и, намереваясь показать искажение человеческих ценностей, сводят коммуникативный акт на нет, ломают стройность языка, лишая его первичной функции. Особенно ярко это проявляется в театре абсурда.

Для литературного нонсенса не стоит цель выявить кризисы отношений, для него важна сама форма, язык и его потенциальные возможности в порождении новых значений и более – порождении нового мира, противопоставленного каноничной системе.

В. Чарская-Бойко в своей статье 2009 г. предпринимает, на наш взгляд, успешные попытки разграничить понятия литературного нонсенса и литературы абсурда. Исследовательница указывает, что в отличие от писателей-абсурдистов, которые, стремясь показать заблуждения современников, обращаются к развенчиванию какой-либо «изначально ложной» идеи, создатели литературы нонсенса отказываются от роли судьи над неидеальным миром: «нонсенс же отличается тем, что не стремится исправить или образумить мир. Он не разрушает идеи или смыслы, не старается осветить отрицательные стороны человеческого бытия» [10, с. 216]. К этому суждению мы можем добавить, что нонсенс по-своему дополняет, обогащает существующую реальность, показывает тот творческий потенциал сознания по отношению к восприятию реальности, который так или иначе нивелируется общепринятыми нормами. Не случайно литературный нонсенс расцвел пышным цветом в пуританской Англии XIX века, которая доходила буквально до крайностей в своем стремлении морализировать и устанавливать правила.

Как показывают многие исследователи, в том числе и В. Чарская-Бойко, в литературе нонсенса основополагающей является ориентация на детское сознание и его особенности – нестандартность мышления, неприятие норм и условностей, стремление изучать мир во всех его проявлениях. Все это контрастирует со спецификой воспитания детей в Викторианской Англии, где ребенок из богатой семьи – это уже юный джентльмен или леди со всем сопутствующим статусу набором обязанностей: «Каждый день был ни чем иным как одиноким, монотонным, будничным и очень формальным. Они [родители – прим. И. Ш.] поручали детей няне, чтобы она учила их манерам, воспитывала, следила за соблюдением норм, правил и морали и т.д. Няня по сути заменяла детям родителей» [17]. Но это вовсе не значило, что дети были послушными и терпимыми, напротив, они находили поводы для шалостей и игр, и эта живая сила стала источником вдохновения для произведений Л. Кэрлла и Э. Лира: попытка «бегства из образовательной религиозности в невинный, освобождающий шуточный вздор ребенка» [ibidem].

Помимо отождествления абсурда и нонсенса, часто встречается постановка знака равенства между литературным нонсенсом и бессмыслицей. Возможно, к этой мысли приводит перевод слова нонсенс, поскольку с латинского оно означает «нет смысла», а может быть, это связано с различными трактовками нонсенса в философии, в частности современной философии, которая принципиально отказывает рассматриваемому явлению в наличии смысла, но в любом случае нас интересует нонсенс художественного плана. О различии двух понятий дает четкое представление в статье «Бессмыслица, абсурд и нонсенс в современной культуре» В. А. Лапатин: «Бессмыслица должна полностью себя оправдать, т.е. быть чем-то таким, что совсем, окончательно, ни в одной своей части не имеет смысла. Поэтому собственно бессмысленным стоит признать выражение, состоящее из несуществующих слов и не содержащее никаких знакомых грамматических и синтаксических конструкций» [7]. В качестве примера Лапатин приводит следующий набор слов: «кышма айоас харом кером криелишкай», который в привычном понимании ни на каком из языковых уровней не реализуется, т.е. не имеет никакого смысла. Но хотелось бы обратить внимание на условность использования в данном случае термина «бессмысленность», поскольку даже эти, казалось бы, не имеющие потенциала слова у отдельного реципиента вполне могут своей звукописью вызвать в сознании те или иные ассоциации.

В английском языке для обозначения полной бессмыслицы используется понятие «gobbledegook», т.е. пустой набор слов. Это сравнимо со сломанным телефоном, когда из трубки слышится то, что принято шуточно обозначать как «blah-blah-blah» (пустые звуки). Отсутствие интереса литературы нонсенса к такому приёму лишний раз подчёркивает его самую главную и неотъемлемую черту – все манипуляции с языком так или иначе приводят к созданию *иносмыслов* – нетривиальных, странных, безумных, но смыслов (часто избыточных) или их видимость. Разрывая ниточку между конкретным знаком и его конкретным значением, между категориями литература нонсенса не позволяет образоваться пустоте, вместо этого она прибегает к *ряду приёмов*, благодаря которым у знака появляется новое значение и, следовательно, происходит оправдание существования этого знака: «Предлагая первоначальный смысл, самый искусный нонсенс в рамках игры открывает темы и мотивы, которые обращаются к воображению читателя, к его чувству языка, а также его знанию и пониманию литературных традиций формы и темы, сюжета и характера» [16, р. 5]. Но, как нам кажется, стоит учитывать, что образование смыслов не является самоцелью нонсенса, скорее это результаты действий с формой, в отличие, скажем, от шутки. Вся структура шутки подчинена достижению конкретной цели – созданию надлежащего смыслового наполнения, который был бы понятен воспринимающему, в противном случае шутка потерпит неудачу.

Отдельного рассмотрения также требует пара нонсенс – гротеск, которые, к слову, имеют общие корни – фольклор. В своей работе *Keywords for Children's Literature* Филипп Нел и Лиза Паул, приводя в пример слова Каммаэртса, указывают, что в Викторианскую эпоху понятия нонсенса и гротеска ассоциировались и периодически использовались как взаимозаменяемые понятия, поскольку оба явления представляли собой нечто неординарное, легкомысленное, грубое, детское [15]. Более того, многие зарубежные исследователи, такие как В. Тигтс [16], В. Кайзер [14], видят черты сходства между ними, в частности, их тягу к использованию мотивов разрушения, уродства и насилия. Но если нонсенс вызывает скорее улыбку, то гротеск – неподдельный страх или ужас: «Крайнюю, высшую степень преувеличения представляет собой гротеск <...> В гротеске преувеличение достигает таких размеров, что увеличенное превращается уже в чудовищное. Оно полностью выходит за грани реальности и переходит в область фантастики. Этим гротеск соприкасается уже со страшным» [8, с. 84].

В литературе нонсенса эффект от всего того, что может причинить боль или прочие негативные эмоции (как и наоборот – бурную радость или счастье), снимается смещением внимания читателя на форму, для которой цели использования эмоций и дальнейшее развитие нагнетания ситуации не играют никакой роли.

Но помимо вышеуказанного есть ещё один крайне важный момент расхождения между гротеском и литературным нонсенсом, о котором упоминает в своей книге *The Local Scenes and Global Culture of Psytrance* английский антрополог и философ Грэм Сент-Джон. Исследователь, основываясь на суждениях В. Тиггса и М. Бахтина, пишет, что нонсенс, в отличие от гротеска, не использует приемы искажений или столкновений для того, чтобы обличить худшие стороны действительности [12]. Мы в свою очередь поддерживаем данную мысль и считаем, что использование образов, связанных с телом, кардинально разное. Трансформация тела в литературе нонсенса выступает в качестве одной из проявлений оппозиций норме, вызывающей положительные эмоции, – совершенно очевидно, что нельзя моментально уменьшиться или наоборот вырасти, съев печенье, как происходит с Алисой Кэрролла, нельзя одновременно иметь два лица, как у Смежной Королевы Е. Ключева, совершенно невозможно ходить с таким огромным носом, как у героя лимерика Э. Лира и так далее. Все эти несоответствия настраивают скорее на игровое восприятие, нежели на отрицательное.

Таким образом, прежде чем отождествлять с литературным нонсенсом другие похожие понятия, нужно учесть их природу и ту точку зрения, с которой исследователь их берется рассматривать – это может быть или художественный план, или сугубо философский. От этого зависит успех не только анализа конкретного произведения, но и возможность формирования единого терминологического аппарата.

Список литературы

1. **Абсурд и смерть** [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.org.ua/books/demid01/txt11.htm> (дата обращения: 08.06.2016).
2. **Волков А. А.** Язык и мышление: Мировая загадка. М.: Эдиториал УРСС, 2007. 240 с.
3. **Исакова М. Л.** «Нонсенс», «абсурд», «бесмыслица» как философско-эстетические концепты и термины поэтики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusnauka.com/TIP/All/Filology/18.html> (дата обращения: 16.09.2016).
4. **Иткуллов С. З.** Нонсенс и гротеск как формы смысла в художественной картине мира Н. В. Гоголя: дисс. ... к. культурологии. Шуя, 2009. 165 с.
5. **Ключев Е. В.** Теория литературы абсурда [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-reading.club/book.php?book=27968> (дата обращения: 16.09.2016).
6. **Косилова Е.** О национальных традициях в абсурде [Электронный ресурс]. URL: <http://fege.narod.ru/scriptorium/patio.htm> (дата обращения: 16.09.2016).
7. **Лапатын В. А.** Бесмыслица, абсурд и нонсенс в современной культуре [Электронный ресурс]. URL: <http://studydoc.ru/doc/2716010/e-tot-fajl-pdf---cifrovое-prostranstvo-nauchnyh> (дата обращения: 08.06.2016).
8. **Пропп В. Я.** Проблемы комизма и смеха. М.: Лабиринт, 1999. 288 с.
9. **Соболева Н. В.** Английская абсурдная поэзия: проблемы поэтики и перевода (на примере творчества Э. Лира): автореф. дисс. ... канд. филол. н. Екатеринбург, 2008. 25 с.
10. **Чарская-Бойко В. Ю.** К вопросу о концепции абсурда и нонсенса в европейской традиции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 110. С. 215-218.
11. **Шкурская Е. А.** Лингвистическое сопоставление нонсенса и абсурда // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 7 (61). С. 15-18.
12. **Graham St. John.** *The Local Scenes and Global Culture of Psytrance* [Электронный ресурс]. URL: <http://qps.ru/0NgzH> (дата обращения: 08.06.2016).
13. **Josie Torres Barth.** *Nonsense and the Absurd* [Электронный ресурс]. URL: <https://blogs.commonsworld.org/georgetown.edu/jtb63/2010/11/08/nonsense-and-the-absurd/#comments> (дата обращения: 05.06.2016).
14. **Kayser W.** *Das Grotteske. Seine Geschaltung in Malerei und Dichtung.* Oldenburg: Stalling, 1957. 228 S.
15. **Philip N., Lissa P.** *Keywords for Children's Literature.* NYU Press, 2011. 282 p.
16. **Tigges W.** *An Anatomy of Literary Nonsense.* Amsterdam: Rodopi, 1988. 293 p.
17. **Victorian Children in Victorian Times** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.victorianchildren.org/victorian-children-in-victorian-times/> (дата обращения: 09.06.2016).

LITERARY NONSENSE AND RELATED CONCEPTIONS

Shiryayeva Irina Nikolaevna
Lomonosov Moscow State University
axmell@yandex.ru

The article examines literary nonsense and related conceptions: absurdity, nonsense and grotesque which, using the similar techniques, pursue different purposes. Domestic literary criticism does not provide clear differentiation of these phenomena which often causes confusion and indicates no unified theoretical basis in relation to literary nonsense.

Key words and phrases: literary nonsense; absurdity; grotesque; nonsense; meaning; form; structure; existentialism.